

Оглавление

Глава первая.	
Концерт для женихов	3
Глава вторая.	
Договор	22
Глава третья.	
Побег	28
Глава четвёртая.	
Вдвоём	44
Глава пятая.	
На дне	56
Глава шестая.	
Страшная тайна	74
Глава седьмая.	
Не время для казни	84
Глава восьмая.	
Обман	94
Глава девятая.	
Время быть героем	105
Глава десятая.	
Возвращение	126

Глава первая

КОНЦЕРТ ДЛЯ ЖЕНИХОВ

На свете много музыкальных инструментов — трещотки, треугольники, гармошки, барабаны. Есть пианино и арфы. Кто-то ловко играет на скрипке или на гитаре.

Контрабас и саксофон тоже хороши. В средневековой Франции играли на лютне, в Древнем Египте — на арфе, на Востоке любили зурну. Якуты рублились на хомусе, финны — на кантеле, индейцы майя — на трубах.

О многих инструментах сказки сказывали — про дудочки и скрипки, про лютни и тамбурины.

А есть ещё гусли. Никто и не вспомнил бы о них, если бы не человек, игравший на гусях. Звали его Садко.

Хорошо то утро, что радует глаз солнечным светом да слух весёлой музыкой. Солнце в это утро светило, а вот музыка совсем не радовала новгородского князя. Уж очень уныло музыкант тянул мехи гармошки. За эту унылость инструмент ему порвали, а самого выгнали.

— Аким! — позвал князь воеводу. — Найди мне нового музыканта!

Княжья воля — закон. Аким собрал дружинников и отправился в поход. Музыканта искать. Одного он знал как раз, тот жил неподалёку.

Садко и правда жил сразу за стеной княжеского посада, прямо за речкой, около базара. В этот день он вместе с родителями огород вскапывал — настала пора брюкву сажать. Огород — дело не дюже весёлое. Копал Садко, копал, но котик его отвлёл — тот за пером гонялся. Садко поймал перо, дунул, отправляя дальше

в путь, а сам замечтался, достал гусли, стал наигрывать лёгкую мелодию о том, как пёрышко летит, как котик за ним прыгает.

Мать недовольно поправила платок на голове. Была она женщиной дородной, с тяжёлыми руками и неласковым взглядом.

— Опять бездельничаешь?! — проворчала она. — Лодырь! У других дети в дружине служат. Ну, если хворый, при боярском приказе взятки берёт хотя бы. А этот что?

— Да ладно тебе, Марья, — вздохнул отец. Был он худенький, лысоватый, тихий. — Душевно ведь играет.

— Маменька! — ласково посмотрел на мать Садко. — Благодаря музыке в нашу дверь когда-нибудь постучит счастье...

— Да по башке бы тебе постучать! — пошла на сына мать.

Она отвесила ему подзатыльник, но звук получился странный — тяжёлый и гулкий, словно в деревянную калит-

ку ударили. Или это и правда в калитку стучат?

Да не просто стучат. От мощного удара она слетела с петель, и во двор вошёл воевода Аким с дружиною. Огромный, в броне и шлеме, он недобро оглядел скудное хозяйство и замерших перед ним людей.

— Кто из вас Садко? — спросил Аким. Голос его был грозен. Против такого никто не устоит.

Вперёд решительно вышел отец.

— Я! — заявил он, но голос подвёл, дал петуха.

Аким нахмурился.

— Ну, я! — загородив мужа, выступила тогда на первый план мать.

И даже котик мяукнул, давая понять: если что — он тоже за Садко сойдёт.

Но никто из них, конечно, на юношу с гусями не был похож.

— Я Садко! — тихо сказал музыкант, обходя замерших родственников.

Аким дёрнул бровью, сграбастал вышедшего и рявкнул:

— Князь зовёт!

Садко успел только крикнуть:

— Мама!

А что тут сделаешь? В те времена люди были подневольные, подчинялись князьям да воеводам.

Дружина строем вышла вон со двора.

Хорошая была дружина у князя, крепкая, всегда выступала строевым шагом. А где строй, там песня. Слышите? Вот уже затянули.

— Постреляли мы на славу,

Поломали три копья.

И теперь домой по праву:

Нас встречай, родна земля.

Дорога пролежала через базар. Чего тут только не было — и меха, и ткани, и глиняные горшки, и даже заморских птиц продавали.

Бодрым шагом дружинники миновали торговые ряды. Последний нёс на плече Садко. От нечего делать музыкант подыгрывал песне на дудочке.

Все торговцы высыпали из-за прилавков поглазеть на стражу. Попугаи тоже стали глазеть, но только один — большой, белый, с хохолком на голове — смотрел не на певцов, а на кошель, привязанный к поясу стоящего рядом продавца. Птица осторожно протянула лапу, мгновение — и в когтях зажата блестящая монета.

Но как же заразительно пели дружинники! Попугай не выдержал и тоже подтянул:

— Да-тада-да-та-та...

Садко помахал ему рукой. Попугай вскинул крыло с монетой.

Зря он это сделал, конечно. Торговец заметил блеск, сразу узнал свою собственность и, конечно же, отобрал её у попугая.

А дружина шагала дальше. Взлетала в чистое небо песня.

— Солнца лучики сверкали

И сбивали с высоты.

Наши мамки начищали

От коррозии щиты!

Звонко пели, чётко маршировали.
Горшки на прилавках подпрыгивали
им в такт.

— Месяц пили, месяц ели,
А как проводы прошли,
Мы как птицы улетели
Охранять покой княжны.

— Князь наш батюшка доволен! —
от души выводил солист.

— Дело сделаем легко, — подхватыва-
ли остальные.

Из-под их ног разбегались куры и коты.

— С этой песней строевою
Приведём к нему Садко.

Так, с песнями, и дошли до княжеских
покоев. Дружинник сбросил с плеча плен-
ника, Аким наградил музыканта лёгким
пинком, ставя на ноги. Парень натянул
шапку на голову и огляделся — никогда
он не забирался так далеко от дома. Никог-
да он не был в княжеском тереме. Боязно.

— Может, я в другой раз зайду... — по-
пятился Садко.

Аким успел схватить его за шиворот.

— А я сказал, — грозно прикрикнул он и впихнул «гостя» в палаты, — добро пожаловать!

Садко попытался удержаться на ногах, но пол был слишком гладкий. Парень брякнулся на попу и заскользил прямо до стола с боярами.

Надо сказать, тронный зал впечатлял не только новеньких, но и каждого, кто в него попадал, — всё сверкало и блестело, всё было нарядно украшено и изысканно расписано.

— Ого... — только и смог вымолвить невольный гость. — Вот это да...

Тут он заметил своё отражение в начищенном до блеска мраморе пола, а заодно разглядел, что его лапти оставляют на нём грязь. Воровато оглянувшись, испуганно затёр след шапкой.

Тем временем в зале кипела жизнь. Бежали люди, расставляли столы, свечи. Стрельцы выстроились вдоль стен зала. В центре зала возвышался подиум с занавесью.

— Пойдём, — потянул Аким Садко за собой и толкнул на табурет. — Играть будешь.

— А в какой тональности? — успел спросить Садко.

— В передней, — отозвался Аким. — К женихам передом, а к невесте задом.

Аким пнул табурет с Садко, тот проскользил по полу и остановился около стойки с музыкальными инструментами — трещотками, бубнами и дудками.

Раздалась торжественная музыка. Двери залы распахнулись.

— Уважаемые женихи! — объявил важный голос — это говорил дьяк в чёрной рясе. — Прошу выходить согласно номерам!

Но никто порядок соблюдать не собирался. Женихи ввалились толпой, расталкивая друг друга. Восточный принц — худой, невысокий, в объёмной чалме; рыцарь — солидный, широкоплечий, с тяжёлым мрачным лицом, в одной руке гигантский щит, в другой длинное тяжёлое копьё; японский самурай — низень-

кий, пухлый, с улыбчивым лицом; и, наконец, богатырь — борода и усы, широкая грудь, в руке держит меч.

— Лучший из лучших получит в жёны княжну! — не терял торжественного пафоса дьяк.

Все посмотрели на помост. Там на троне сидел сам князь — седоволосый человек, на голове символ княжьей власти — шапка с соболиной опушкой.

Рядом с князем стояла княжна. Постойте! Никакая это не княжна, а её портрет в полный рост. А издалека как настоящая, вот только глаза очень большие — прорези, через которые в зал и подсматривала невеста.

— Настенька, ты здесь? — позвал князь.

— Да, папенька, — отозвался из-за картины нежный девичий голос.

— Это последняя партия, — предупредил князь. — Выбирай внимательнее.

Поняв, что сейчас самое время начать играть, Садко вскочил на табурет, от-

кашлялся, взмахнул руками над гусями. За его спиной появились двое стрельцов и за плечи усадили его обратно на табурет.

— Первый номер, — объявил дьяк. — Жених из Японии, Я Рака Ем Руками. С детства мечтает о жене с большими глазами. В быту неприхотлив, питается рисом...

Стражник толкнул Садко, и тот заиграл восточную музыку. Под неё японец степенно вышел в центр зала, поклонился, сложив руки перед собой, выхватил из-за пояса меч и стал ловко размахивать им. А потом подбросил вверх так, что он пролетел над люстрой и срезал с неё все свечи. Свечи попадали вниз, сложившись в фигурную композицию.

— Аригато, — поклонился японец. И ему на голову тут же свалилась срезанная люстра.

Стражники и женихи засмеялись.

Бояре, сидящие за столом жюри, показали оценки. Средненькие.

— Из далекой Индии раджа! — объявил второго жениха дьяк. — Прекрасно владеет всеми частями тела!

Вперёд вышел индийский принц, поклонился. Садко крутанул на колене гусли и заиграл индийскую музыку. Двигаясь под неё, раджа скинул одежду, оставшись только в тюрбане и набедренной повязке.

— Он что, голый? — ахнули стражники.

— Срамота!

Глаза у Настеньки за картиной стали размером с круглые прорези. Заметив это, князь нервно сдёрнул с головы шапку и закрыл ей обзор.

Раджа медленно развернул на полу циновку с гвоздиками остриями вверх, сел на неё в позу лотоса, сложил перед собой руки и закрыл глаза. Медитативная музыка продолжала звучать. Стражников невольно потянуло в сон. За ними стали кемарить женихи. Повалились друг на друга бояре за столом. И даже князь задремал и сполз с трона. Тем самым создал такой

грохот, что все открыли глаза. Но только не раджа. Естественно, такой жених не годился для княжны, поэтому князь велел унести его прочь.

— Номер третий! — вступил дьяк. — Герцог Вилли Франкенштайн. Копьём пробивает насквозь дракона, по самый хвостик.

На подиум важной походкой выступил герцог с тяжёлым копьём. Копьё он воткнул в пол, раскрутил над головой щит и бросил его через зал. Щит пробил стену дворца, вылетел на улицу, сделал там круг и, проломив дырку в стене дворца с другой стороны зала, вернулся в руки хозяина.

Опешивший Садко не нашёлся, что сыграть, — настолько всё это было экзотично. Да герцогу и не нужно было музыкальное сопровождение.

— Любит поэзию, — объявил дьяк.

Герцог нажал кнопку на грудной пластине доспехов. Со спины выехала ударная мини-установка, трубы, а на груди

